

В. М. ЗУБАРЬ

**МЕСТА ОТПРАВЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ
В ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ И ЕГО ОКРУГЕ
В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД**

В греческих полисах сакральные действия в честь богов-покровителей гражданской общины происходили публично перед храмами, которые считались жилищами богов, где они присутствовали в качестве собственных скульптурных изображений, и специально отведенных для этого местах [1, р. 88, 276; 2, с. 179]. Эти действия заключались в определенных обрядах, включавших молитвы и жертвоприношения, которые приносились олимпийским божествам под открытым небом на алтарях, так как их дым должен был быть направлен вверх [1, р. 61; 3, с. 127, 129, 130]. Классическое греческое жертвоприношение, красочно описанное в эпических поэмах Гомера, практически не претерпело изменений на протяжении всей античной эпохи [1, р. 55-57]. Во время таких жертвоприношений божество получало внутренности жертвенного животного, а мясо съедалось всеми присутствующими [ср.: Aristoph., Eq. 410, 654; Vasp. 72; Plout. 227]. Ведь совместная трапеза была одной из основных форм культовой деятельности эллинов [4, р. 105-119]. В честь наиболее почитаемых богов устраивались специальные празднества. Обусловлено это было тем, что греческая народная религия являлась не религией слова или убеждения, а религией действия [5, с. 143-146; 6, с. 35], так как греки верили в прямую связь между сакральным ритуалом и расположением божества [ср.: 7, с. 10, прим. 1]. Без совершения таких обрядовых действий гражданская община и отдельно взятый ее член оставался без покровительства богов, особенно той местности, где был расположен полис [8, с. 204].

Поэтому такими важными религиозными актами, которые совершались от имени всей гражданской общины, руководили не профессиональные жрецы, а специальные должностные лица [1, р. 95]. Судя по эпиграфическим памятникам,

с рубежа IV-III вв. до н.э. [9, №№ 410, 414, 415] эти функции в Херсонесе выполнял "царь", который, как и в других дорийских центрах [10, с. 17; 11, с. 20-25; 12, с. 40; 13, с. 205, прим. 295; ср.: 5, с. 110-111; 14, с. 256, 301-302; 15, 1999, с. 344; 16, с. 177], являлся верховным жрецом главной покровительницы полиса – Партенос и эпонимом, именем которого датировались государственные документы [9, №№ 357, 358, 359, 360, 361, 365, 384, 699]. Причем его сакральная функция была главной [16, с. 177-178; ср.: 7, с. 56; 17, с. 254].

К сожалению, в результате активной строительной деятельности по сооружению христианских храмов в период раннего средневековья [см.: 18, с. 196-200], которые возводились не месте наиболее чтимых языческих святынь, на территории Херсонеса не зафиксировано пока каких-либо остатков античных храмов или полисных святилищ. Но в результате проведенного недавно специального археологическо-архитектурного исследования установлено, что к рубежу IV-III – началу III вв. до н.э. в северо-восточной части Херсонесского городища завершается архитектурное оформление священного участка – теменоса [19, с. 100; ср.: 20, с. 8-11], отделенного от жилых кварталов магистральной улицей, предназначавшейся для процессий, и оградой¹. Длина его реконструируется в пределах 111 м, а ширина – 30-40 м (рис. 1). Границей участка на северо-востоке был морской обрыв. Центральный вход, находившийся с противоположной стороны, решенный, скорее всего, в виде небольших пропилей, располагался в створе Главной улицы, а второй мог быть сооружен в его северо-западной части и выходить еще на одну продольную улицу [19, с. 99; 22, с. 127].

В пределах теменоса, площадь которого была замощена известняковыми плитами, был сооружен центральный храм дорического ордера с шестиколонным портиком по главному фасаду, который имел простильную или амфипростильную объемно-планировочную композицию [19, с. 81-88, рис. 7]. К западу от него был выстроен храм меньших размеров в ионическом ордере [19, с. 89-93, рис. 12] (рис. 2). На этом участке, как предполагается, стояла статуя Афины конца IV в. до н.э. работы скульптора Поликрата, высотой до пяти метров, от которой сохранился постамент с надписью [9, № 406] (рис. 3), вотивная колонна, увенчанная дорической капителью с посвящением богине Партенос на абаке [9, № 406], и монументальный алтарь, украшенный метопами с изображениями круглых щитов [19, с. 95-99; ср.: Paus., I, 15, 1-16, 1]. Здесь же для всеобщего обозрения могли быть выставлены тексты важнейших государственных

¹ Попутно следует отметить, что критические замечания В.И.Кадеева относительно историко-архитектурной реконструкции, предложенной А.В.Буйских [21, с. 26], нельзя признать справедливыми. Они голословны и построены только на общих рассуждениях относительно возможной датировки каменной вымостки, а не на анализе стратиграфии, конкретного археологического материала и архитектурных фрагментов.

документов. В непосредственной близости от теменоса в 1888 г. открыты остатки мастерской коропласта [23, с. 3-23], где изготовлялись вотивные терракоты и другие предметы, которые херсонеситы, видимо, приносили в дар богам [19, с. 99-100].

На основании находки постамента статуи, поставленной Бионом или Дионом, сыном Герода, за жену и дочь Афине Спасительнице, Э.И.Соломоник полагала, что эта статуя была установлена на площади у одноименного храма [24, с. 10-11]. Поэтому главное культовое сооружение на территории теменоса в северо-восточной части Херсонеса, решенное в дорическом ордере, атрибутируется как храм Афины. Но это только одна из возможных гипотез, так как статуя была сооружена частным лицом и могла быть просто установлена на священном участке. Не исключено, что храм, который являлся главной городской святыней [19, с. 95-96; ср.: 25, с. 8; 26, с. 269-270] и “сердцем” полиса [27, с. 115-122], мог быть посвящен не Афине, а какому-то иному божеству, например, главной богине Херсонеса – Партенос. В пользу такого предположения свидетельствуют возможное наличие здесь вотивной колонны с посвящением Партенос и данные более поздних “Житий святых епископов херсонских”. В них упоминается Парфенон [28, с. 16, 51-55, 62; 29, с. 112, гл. 17; 30, с. 78-79, 88], т.е. район, связанный с почитанием главной херсонесской богини, который есть основания связывать с площадью в северо-восточной части Херсонеса. Видимо, здесь, на месте дохристианского сакрального участка – теменоса, была возведена трехапсидная Восточная базилика (№ 36), отождествляемая с храмом св. Петра [18, с. 199; 31, с. 577-578; 32, с. 60; 33, с. 3-6; 34, с. 190-191; ср.: 12, с. 39; 28, с. 54-55; 35, с. 166-168, рис. 72-74; 36, с. 134] (рис. 4).

Еще один священный участок, вероятно, располагался на центральном плато, в районе предполагаемой агоры [22, с. 126-127; ср.: 37, с. 103-105; 38, с. 12; 39, с. 32, рис. 7]. Он мог быть композиционно связан с теменосом в северо-восточном окончании Главной улицы [22, с. 127, рис. 9] (рис. 5). Если это так, то именно это место наиболее подходит акрополю, где согласно тексту почетного декрета в честь Диофанта, рядом с алтарями Девы и Херсонас, должна была быть установлена его медная статуя в полном вооружении [9, № 352]. Показательно, что в этом районе обнаружены эпиграфические документы общегосударственного значения [9, № 401, 403 и др.] Но, к сожалению, об этом пока можно говорить только в гипотетическом плане, так как активное строительство в этом районе Херсонесского городища в более позднее время христианских храмов навсегда уничтожило какие-либо его следы.

Исходя из сообщения Страбона [Strabo, VIII, 4, 2] и ряда эпиграфических памятников [9, №№ 344, 352, 409; 40, с. 69-75, № 125], известно, что на территории Херсонеса находился храм богини Партенос с ксоаноном, видимо, древнейшей антропоморфной статуей богини [1, р. 90; 2, с. 179], а рядом располагались алтари

[подр. см.: 10, с. 16-17; 12, с. 39-40; 41, с. 126; 42, с. 76-78, 81]. За пределами собственно городской территории, на мысу Парфений, который находился в 100 стадиях или приблизительно в 17,5 км от Херсонеса, находилось святилище или еще один храм этой богини. На этом месте, связывавшемся с мифом об Ифигении и Артемиде, вероятно, проводились очистительные ритуалы [42, с. 79].

А.С. и М.В. Русяевы предполагали, что загородное святилище Партенос находилось на Херсонесском мысу и лишь позднее, после освоения земель на Гераклеийском полуострове – в районе мыса Фиолент, где на сакральной территории было устроено святилище богини [42, с. 82; ср.: 43, с. 41]. Но вряд ли с таким заключением можно безоговорочно согласиться. Возведение двух стен на перешейке Маячного полуострова в первой – второй четверти IV в. до н.э. в связи с угрозой с юго-востока, со стороны Гераклеийского полуострова, и с северо-запада [44, с. 62; 45, с. 318; 46, с. 21-22] делало святилище на Херсонесском мысу совершенно беззащитным в случае нападения с моря, на что вряд ли пошли бы греки. К тому же равнинный рельеф местности в районе Херсонесского мыса плохо согласуется с представлениями греков, сложившимися под влиянием Еврипида, о том, что такое святилище должно было находиться на мысу, нависавшем над морем [Herod., IV, 103; подр. см.: 41, с. 123-125; 47, с. 113; 48, с. 154-156].

Вряд ли остатки святилища Партенос в окрестностях Херсонеса когда-либо будут найдены, и вопрос о его местонахождении будет окончательно решен на основе археологических данных [ср.: 42, с. 79-80; 49, с. 41]. Но, тем не менее, заслуживают самого пристального внимания наблюдения Ф.Дюбуа де Монпере, который в 1834 г. во время своего путешествия посетил Гераклеийский полуостров. Он обратил внимание на остатки четырехугольного в плане сооружения, которое располагалось на мысу в верховьях Мраморной балки. На вершине мыса находилась ровная площадка, нависавшая над морем. “Если бы храм таврической богини был не здесь, – писал он, – то я не знаю, куда бы я его поместил” [цит. по: 50, с. 32; подр. о Ф.Дюбуа де Монпере см.: 51, с. 97-103].

Следует также отметить, что в районе верховьев Мраморной балки отмечены поселения и могильники догреческого населения, свидетельствующие о том, что здесь могло находиться какое-то святилище туземной богини [50, с. 31; 52, с. 142, участок 395 б], которое впоследствии было связано херсонеситами с мифом об Ифигении и Партенос. На территории, расположенной севернее мыса Фиолент и верховьев Мраморной балки, наряду с ближайшими окрестностями Херсонеса, северным побережьем Гераклеийского полуострова и Маячным полуостровом, были зафиксированы следы древнейшей размежевки и открыты остатки раннего херсонесского укрепления [50, с. 30-31, рис. 17] (рис. 6). Вряд ли такое значительное удаление этого места от основного массива земель, освоенных херсонеситами на начальном этапе существования полиса, можно объяснять

простой случайностью. Это обстоятельство является наиболее весомым аргументом в пользу предположения о том, что именно здесь, на южной обрывистой оконечности Гераклеийского полуострова, скорее всего, мог находиться сакральный участок со святилищем или храмом Партенос. Да и по рельефу местности этот район наиболее подходит тем описаниям, которые даны в трудах древних авторов [53, с. 101; ср.: 43, с. 41; 54, с. 37]. Все сказанное хорошо согласуется с практикой строительства святилищ и храмов на границах территории ранних греческих городов-государств, что, по мнению греков, давало законные основания интегрировать близлежащие земли в состав земельных владений полиса [55, р. 41-92; 56, р. 183; 57, р. 180-181; 58, р. 455; 59, р. 197-201; ср.: 60, р. 23].

Весьма интересна недавно предпринятая А.С. и М.В. Русяевыми попытка решить вопрос о значении термина ΣΑΣΤΕΡ Присяги граждан Херсонеса [9, № 401], которому посвящена огромная литература [42, с. 83-86]. Но, с сожалением, следует признать, что предложенная новая интерпретация этого термина как священной местности, связанной с культом Партенос, и параллель между "Састер" херсонесской присяги и "Зостер" [42, с. 86-96] являются лишь очередной попыткой решить эту проблему, хотя и на основании весьма оригинального подхода к ней. Интерпретация термина ΣΑΣΤΕΡ продолжает оставаться проблемой *perpetum mobile* [45, с. 347, прим. 179; ср.: 61, с. 63-64; 62, с. 39-42] и вряд ли может быть сколько-нибудь убедительно аргументирована без появления новых источников. Объяснить термин ΣΑΣΤΕΡ можно не логическими построениями, а только на основании содержания новых эпиграфических памятников, которые пока еще не найдены. Но его связь с сакральной жизнью Херсонесского полиса вполне вероятна, так как до настоящего времени остается неясным не только этот термин, но и, например, главный объект поклонения участников элевсинских мистерий, надежно скрытый от современных исследователей прошедшими веками [подр. см.: 1, р. 20-21; 5, с. 58].

Как и в других античных полисах, часть земельного фонда, находившегося под контролем гражданской общины Херсонеса, принадлежала храмам [ср.: Plato Legg., V, 738; Arist. Polit., II, 5, 2; VIII, 9, 7; 38, с. 29; 63, с. 133; 140; 64, с. 48-53; 65, с. 11, 13]. Такие земельные участки сдавались в аренду [ср.: 45, с. 364-269], а доход шел на нужды храмов и отправление культовых действий [подр. см.: 66, с. 139-160]. Судя по сообщению Фукидида [Thuc., III, 50, 2], земельный фонд храмов мог составлять десятую часть всех земель, но в эллинистический период, как правило, землевладения храмов были невелики [66, с. 140; ср.: 53, с. 3]. В Херсонесе какие-то земельные участки должны были принадлежать храму и святилищам верховной богини Херсонеса Партенос. Но, к сожалению, имеющиеся источники не позволяют ничего конкретного сказать о том, где были расположены эти земли. Однако, говоря о возможной локализации храма или святилища Партенос на южной оконечности Гераклеийского полуострова, с известной долей

риска можно предполагать, что именно здесь находилась, по крайней мере, часть земель, которыми владела эта богиня [ср.: 52, с. 3], но, естественно, настаивать на этом рискованно.

Религия в античном обществе, так или иначе, отражалась на всех сторонах жизни полиса [1, р. 247; 67, с. 193; 68, р. 145]. Официальные богослужения, в которых принимала участие вся или почти вся гражданская община, отправлялись у храмов [1, р. 84-87; 3, с. 129, 131]. Но этим религиозные церемонии не ограничивались. Греки отправляли религиозные культы своих богов-покровителей и в домашних условиях, в рамках семьи, которая была основной ячейкой социально-политической структуры полиса. Для этого в жилых домах отводились специальные помещения, либо какая-то их часть [ср.: 69, с. 149], где устанавливались алтари и совершались сакральные действия не только в честь общеполисных божеств, но и божественных покровителей семьи, живших, по представлениям греков, рядом со смертными [5, с. 89-114; 67, с. 22-27]. Причем, по мнению В.А.Нессель, домашние святилища, как правило, располагались в угловых помещениях жилых комплексов, у восточных стен [70, с. 22].

Огромное значение религии в повседневной жизни греков свидетельствует о том, что культовые действия в домах были не менее важны, чем официальное отправление культов у храмов и на теменосах [71, с. 41]. Ведь в ранней Греции жилище рассматривалось в качестве святилища [4, р. 105-119]. К сожалению, многовековая строительная деятельность на территории Херсонесского городища привела к тому, что о таких домашних культовых комплексах можно говорить только на основании косвенных данных. Хотя в ряде случаев такие домашние святилища, датирующиеся эллинистическим и римским периодами, зафиксированы и археологически [69, с. 149; 70, с. 21-26; 72, с. 143; 73, с. 6].

Как в свое время считал Г.Д.Белов, домашние святилища были открыты в двух помещениях домов на территории XIX квартала на Северном берегу Херсонеса. Здесь в домах, один из которых получил условное наименование дом Аполлония, зафиксированы каменные прямоугольные площадки, располагавшиеся в центре помещений. Размеры такой конструкции в доме Аполлония составляли 1,0x1,0x0,25 м [74, рис. 3]. На поверхности зафиксирован слой золы. Аналогичное сооружение также было открыто при раскопках жилых кварталов на Северном берегу и ранее, в доме квартала XIV [74, с. 259] (рис. 7).

Но с атрибуцией Г.Д.Белова не согласилась А.В.Буйских. На основании аналогий она указала, что эти конструкции были не алтарями, а остатками стационарных очагов, которые, как и в Керкинитиде, располагались в самых больших помещениях домов, называвшихся ойкосами [75, с. 26-27; ср.: 77, с. 291, рис. 4; 78, с. 84] (рис. 8). Но находки в помещениях с очагами терракот и других предметов культового назначения, видимо, позволяют достаточно уверенно говорить, что именно здесь, рядом с очагом, в самых больших по размерам

комнатах дома чтилась Гестия и другие божества, которые рассматривались херсонеситами в качестве своих домашних покровителей [ср.: Ном. Нумп., IV, 21-31; 1, р. 55; 67, с. 22-27; 71, с. 44, 47]. Ведь домашний очаг был священен и являлся центром всех домашних культовых действий [1, р. 61; 5, с. 99-104]. В домашних святилищах широко использовались терракотовые статуэтки, представлявшие изображения богов и любимых мифологических персонажей [78, с. 22; ср.: 79, р. 71-81, fig. 64]. Но при интерпретации таких конструкций, открытых в процессе раскопок, в первую очередь следует исходить из их функционального назначения, и только после этого можно предполагать, какой сакральный смысл в них вкладывался.

Одно из домашних святилищ раскопано в жилом полуподвальном помещении одного из домов северо-восточной части Херсонеса, стены которого были украшены росписью в виде разноцветных квадратов с прямоугольниками мраморировки в центре. В углу одного из помещений к стене была пристроена каменная площадка размером 3х2 м, сделанная из бутового камня. Ее поверхность была выложена хорошо подогнанными плитами, на которых сохранились следы действия огня [ср.: 1, р. 59]. На этой площадке зафиксирована часть известнякового алтаря, а в восточном углу помещения зольная яма, куда сбрасывалась разбитая после ритуальных пиршеств посуда и амфоры [26, с. 267-268] (рис. 9,1). Причем наличие алтаря в закрытом помещении позволяет предполагать, что здесь приносились жертвы хтоническим божествам, которые были направлены вниз, в землю [3, с. 129, 130; ср.: 69, с. 149].

В процессе раскопок в таких святилищах были обнаружены не только остатки алтарей, но и весьма показательный материал, представленный обломками терракотовых статуэток, которые стояли рядом с алтарями [78, с. 22], и фрагментами сосудов, использовавшихся в обрядах, которые позволяют датировать эти святилища III-II вв. до н. э. [26, с. 270-271; 75, с. 263-267]. В домашнем святилище северо-восточного района, судя по граффити, почитали Аполлона, Артемиду и Латону [73, 1978, с. 8-9] (рис. 9,2-6), которые, по мнению М.И.Золотарева, рассматривались в качестве защитников и покровителей [26, с. 272-273].

В херсонесских домашних святилищах, как и в других античных центрах [79, р. 175-186, 180], находились и известняковые алтари (арулы) небольших размеров, обнаруженные в процессе раскопок слоев эллинистического времени в разных частях Херсонесского городища [80, с. 19, рис. 5; 10, с. 17; 81, с. 19-25; 82, с. 170, № 548; с. 171, №№ 549; 550; 551; 552; 553, илл. 215; с. 172, №№ 555; 557; с. 173, №№ 560; 561] (рис. 10), а также миниатюрные терракотовые алтарики прямоугольной формы с карнизом и акротериями, на боковых стенках которых имелись рельефные изображения мифологических сцен и персонажей. На них атрибутированы изображения Аполлона, Артемиды, Диониса и менады [83, с.

162, рис. 34; 84, с. 71, 74-75, табл. 13,4,4а] (рис. 11)². Такие терракотовые алтарики хорошо известны в Ольвии. По мнению А.С.Русяевой, они изготовлялись в III в. до н.э. на месте по образцам, привозившимся с о. Делос [71, с. 47; 78, с. 142].

Говоря о домашних святилищах эллинистического периода, нельзя не обратить внимание на чашки цилиндрической формы на высокой ножке, изготовленные из херсонесской глины, с сильно профилированными подставками, обнаруженными в так называемом доме Аполлония с материалом II в. до н.э. [75, с. 262-268, рис. 10; 83, с. 159, рис. 33]. Такие же чашки на высокой ножке найдены и в других домах, исследованных на Северном берегу Херсонеса. Датируются они концом II – I вв. до н.э. [85, с. 168, рис. 2а]. Сосуды такого типа были покрыты светло-желтым ангобом. На поверхность одного из них тусклой красновато-коричневой краской была нанесена роспись, состоявшая из семи горизонтальных поясов. На другом – роспись, выполненная по ангобу коричневой краской, состояла из мелких листьев и огибала стенки сосуда. В ее центре было прочерчено граффити с посвящением Гераклу [85, с. 168]. Сверху, на ободке нижней части стенок, имелись следы изображения ов [86, с. 44, табл. 5,93] (рис. 12). Аналогичные сосуды найдены не только в Херсонесе, но и на античных поселениях в Северо-Западной Таврике [87, табл. 12,2,3; 88, р. 222]

К.И.Зайцева, проанализировавшая большую группу чашек на высокой ножке, обнаруженных в различных пунктах Северного Причерноморья, полагает, что их тип был хорошо известен в Греции, где такие сосуды относятся к VI-II вв. до н.э. [86, с. 45-46]. Чашки на высокой ножке служили алтариками, связанными с культом очага, и использовались в домашних святилищах. В них воскурялся фимиам покровителям дома и семьи, плодородия и т. п. [Hom. Hymn., XXIX; Thuc. I, 136; Aristoph. Plut., 795; Paus., V, 15,10; 79, p. 17, fig. 9; 86, с. 49-51], могли тлеть угли, символизовавшие огонь [1, р. 59], а также сжигаться сера, которая являлась в античном мире очистительным средством и широко применялась в различных обрядах [ср.: Hom. Od., XXII, 481-494; Apul. Metam., II, 16; Ovid., Ars. amat., 330; Metam., VII, 260-261]. Такой вывод подтверждается и тем, что на Северном берегу Херсонеса в подвальном помещении был найден известняковый алтарь цилиндрической формы IV-II вв. до н.э., который полностью повторяет форму керамических чашек на высокой ножке [90, с. 205, рис. 52; 81, с. 24-25, рис. 6; 82, с. 170, № 547] (рис. 13).

Алтарики, находившиеся в домашних святилищах или у очагов в жилых помещениях, не занимали много места. С их помощью, выполняя обрядовые действия, все домочадцы могли обратиться к богам-покровителям с молитвой или просьбой, так как религия пронизывала жизнь и быт всякого эллина и такие

² По форме терракотовым алтарикам близок известняковый жертвенник, обнаруженный в районе Камышовой бухты в 1962 г., который А.Н.Щеглов датирует II-III вв. н.э. [89, с. 51, рис. 5].

культовые места, видимо, были в каждом херсонесском доме [ср.: 67, с. 22-27] (рис. 14). Домашние святилища зафиксированы и в других пунктах Херсонесского государства. В Керкинитиде [71, с. 44; 76, с. 84; 91, с. 87-89, 106] и на усадьбе № 6 поселения Панское I в Северо-Западном Крыму найдены аналогичные чаши на высокой ножке, видимо, херсонесского производства [49, с. 139; 86, с. 43; 88, р. 50, р. 222, pl. 142, 146].

Повседневная жизнь подавляющего большинства херсонеситов была связана с сельским хозяйством, успешное ведение которого требовало помощи и заступничества богов. Поэтому святилища сооружались в помещениях сельскохозяйственных усадеб на Гераклейском полуострове. Наиболее показательное такое святилище, которое может быть отнесено к категории домашних, было раскопано Н.И.Печенкиным на западном берегу Маячного полуострова в 1910 г. [92, с. 121-123, рис. 17; 20] (рис. 15). В одном из больших по размерам помещений расположенной здесь усадьбы был обнаружен известняковый алтарь кубической формы с профилированными карнизом и базой, на верхней поверхности которого сохранилось четырехугольное углубление для жертвоприношений [82, с. 173, № 562]. Помимо многочисленных фрагментов керамики III-II вв. до н.э., в том числе и с граффити, здесь найдены обломки терракотовых статуэток местного производства. Среди них особого внимания заслуживает терракотовый торс достаточно большой статуи богини Партенос [54, с. 37; 72, с. 38; 84, с. 77, № 2; 92, рис. 23; 93, с. 10, № 1; ср.: с. 10-12, №№ 2-3] (рис. 16). Аналогичные терракотовые статуи хорошо известны в Греции. В Афинах, например, в районе Керамика в специальном здании находилась группа статуй, изображавших афинского царя Амфикиона, угощающего богов [Paus., I, 2, 5; Plin., NH, XXXV, 155; XXXVII, 87]. Видимо, более дешевую и доступную глиняную скульптуру, как и архитектурные украшения [ср.: 94, с. 3-13], особенно часто изготавливали там, где не было собственного мрамора [93, с. 7; 96, с. 92]

Судя по обнаруженным фрагментам терракот, в этом святилище почитались главные божества Херсонеса – Партенос, Геракл и Дионис [96, с. 159-162]. Причем не исключено, что периодически в этом святилище собирались не только члены семьи хозяина усадьбы и их родственники, но и владельцы соседних наделов для отправления культовых действий в честь своих богов-покровителей и спасителей [71, с. 47].

Аналогичные культовые помещения или святилища, вероятно, имелись и на других усадьбах, о чем можно говорить на основании находок сравнительно небольших известняковых алтарей эллинистического периода, обнаруженных при раскопках памятников Гераклейского полуострова [82, с. 172, №№ 554, 556, 558, 559]. К сожалению, плохая сохранность строительных остатков усадеб не позволяет что-либо определенное сказать о конструкции и планировке таких святилищ, но их важная роль в повседневной жизни владельцев усадеб в

эллинистический и римский периоды бесспорна [71, с. 47-49; 62, с. 98; 70, с. 21-26]. В этой связи весьма показательны археологические свидетельства наличия домашнего святилища III-II вв. до н.э., связанного с почитанием Диониса, в усадьбе земельного участка № 151[226] на Гераклейском полуострове [52, с. 94-95; 97, р. 134; 98, р. 727-730; 52, с. 94-95].

Среди культовых комплексов, которые могут быть отнесены к разряду домашних святилищ, нельзя не отметить помещение 12 усадьбы 6 поселения Панское I в Северо-Западной Таврике (рис. 17). Здесь в процессе раскопок была обнаружена серия весьма показательного материала, который позволяет атрибутировать его в качестве святилища и связывать с почитанием божеств элевсинско-дионисийского круга. Причем интересно, что на территории комплекса было открыто несколько помещений, где отправлялись сакральные действия [88, р. 46-50; 99, с. 71-75; 100, с. 60-61; 101, с. 54-61]. Как представляется, это свидетельствует о неоднородном характере религиозных представлений его обитателей и подтверждает вывод о том, что культовые действия в домашних святилищах преимущественно отправлялись членами отдельных семей или их объединениями.

Сейчас трудно сказать, как выглядели окрестности Херсонеса в классический и эллинистический период. Но вполне вероятно, что, как в окрестностях самого города, так и античных поселений на территории Северо-Западной Таврики, располагались культовые постройки и священные для херсонеситов местности. В связи с этим следует привести слова Страбона, который следующим образом описывает район вблизи устья реки Алфей, недалеко от Олимпии. "Вся страна наполнена храмами Артемиды, Афродиты и нимф, расположенными в священных рощах, где обычно много цветов вследствие изобилия воды. Много святилищ Гермеса находится на дорогах и храмов Посейдона на мысах" [Strabo, VIII, 3, 12; пер. Г.А.Стратановского]. Приблизительно так могли выглядеть и окрестности Херсонеса в античную эпоху.

Сакральные действия в честь богов, которые чтились от имени гражданской общины и отправлялись у храмов жрецами публично, не могли удовлетворить духовные запросы всех слоев и социальных групп общества. Это хорошо сознавал уже Платон, который, говоря об идеальном государстве, считал, что полисная религия должна была слиться с религией отдельных индивидуумов [Plato., Legg. X,909D-910D; XII,955E; ср.: Apul., Apolog., 65]. Но реального их совпадения в античном обществе никогда не было. "Религия, – писал М.Нильссон, – находится в зависимости от условий жизни. Когда эти условия меняются, возникают новые потребности, а старые формы исчезают, и таким образом народная религия претерпевает соответствующие изменения" [5, с. 189]. Постепенная ее трансформация вела к определенным изменениям шкалы религиозных ценностей и к появлению адептов иных религиозных течений, что было вполне естественно в условиях политеизма. Кризис полисных религиозных ценностей неизбежно

приводил к постепенному ослаблению традиций [1, р. 337]. Человек начинал осознавать, что он не только гражданин полиса, но и личность, которая среди сонма греческих богов могла выбрать объект поклонения, наиболее отвечающий ее духовным запросам [5, с. 165-166]. Поэтому для почитания богов, не входивших в полисный пантеон и не чтившихся публично [ср.: 1, р. 176], создавались религиозные объединения, которые рассматривали определенное божество или героя в качестве своего покровителя.

Такие сакральные организации или религиозные союзы назывались фиасами и были достаточно широко распространены в античном мире [8, с. 193-218; 102, с. 43-61; 103, с. 57; 104, с. 201-216; 105, с. 120-137]. В этом, видимо, следует видеть одно из проявлений определенной индивидуализации социальной психологии [ср.: 67, с. 64; 103, с. 43-61; 108, с. 256], которая вела к корпоратизации отправления религиозных культов [8, с. 193; 106, с. 101]. Появление таких религиозных объединений, как одной из форм общественной организации античного общества, получившей широкое распространение с эллинистического периода, следует связывать с углублением кризиса полисной идеологии и отстранения основной массы населения от активного участия в государственном управлении [ср.: 67, с. 85]. В эпоху возникновения и развития территориальных государств, в отличие от более раннего времени, полит-гражданин перестал быть ведущей силой общества. На первый план выступили представители зажиточных слоев населения, которые занимали ключевые посты в государственном аппарате, а широкие слои общества вынуждены были довольствоваться созданием своих сугубо частных объединений вокруг тех или иных божеств, в честь которых отправлялись культовые действия [8, с. 213-214; 102, с. 43-61]. Такие религиозные объединения, хотя и не определяли политическую организацию общества, но играли в его жизни довольно заметную роль [106, с. 101], а также служили поддержкой для своих членов в повседневной жизни. В эллинистический период и первые века н.э. фиасы создавались и для почитания иноземных, в частности, восточных божеств, которые постепенно приобретали популярность в самых широких слоях населения, включая представителей неполноправных и даже социально зависимых слоев [8, с. 216-217; 102, с. 48-61; 109, с. 431].

Эти объединения, как правило, не носили государственного характера [ср.: 102, с. 52], а были своеобразными общественными организациями, преследовавшими религиозно-культовые цели. Поэтому внутренний их устав и организационные принципы вырабатывались совместно членами таких объединений [102, с. 43; 110, с. 11-12]. Вступление в такой союз накладывало на его члена определенные обязанности, которые, помимо участия в культовых действиях в честь того или иного божества, заключались в выполнении ряда условий и норм [102, с. 49-50; 109, с. 432]. Помимо отправления религиозных обрядов в честь того или иного божества, такие объединения поддерживали своих

членов в повседневной жизни, отстаивали профессиональные интересы определенных групп в обществе и заботились о достойном погребении своих членов [102, с. 56; ср.: 111, с. 275-278; 112, с. 331; 113, с. 67-68].

К сожалению, прямые источники о существовании фиасов в Херсонесе пока отсутствуют, но аналогичная практика, имевшая место в Ольвии [39, с. 193-203] и на Боспоре [102, с. 46-61; 114, с. 134, №№ 75, 76, 78, 79-108, 105; 115, с. 225-227], позволяет предполагать их наличие с высокой степенью вероятности. Косвенно это подтверждается наличием в Херсонесе и в усадьбах на Гераклейском полуострове домашних святилищ, где сакральные действия в честь богов отправлялись количественно небольшими коллективами. С другой стороны, следует обратить внимание на то, что если в монетной чеканке Херсонеса на протяжении всего IV в. до н.э. безусловно преобладали изображения Партенос и атрибутов Геракла (рис. 18), то с III в. до н.э. на монетах все чаще стали изображаться и другие мифологические персонажи [см.: 116, с. 32-40]. Как представляется, это явление следует рассматривать в качестве показателя не совсем ясной пока в деталях трансформации религиозных представлений херсонеситов, которая может быть объяснена влиянием целого ряда факторов и в первую очередь кризисом традиционной полисной идеологии. Это было характерно для религиозного мировоззрения периода эллинизма в целом, когда прослеживается четкая тенденция изменения содержания верований при сохранении традиционной внешней формы почитания главных божеств греческого пантеона [67, с. 61]. Создавшиеся условия способствовали определенной индивидуализации религиозного мировоззрения, что в свою очередь вело к возникновению в Херсонесе, как и в других античных центрах, культовых союзов. Члены таких объединений в определенные дни собирались для совместных жертвоприношений, после чего устраивалась культовая трапеза, на которой съедалось мясо жертвенного животного. Обычно такие объединения были небольшими и насчитывали несколько десятков человек [подр. см.: 8, с. 196-198].

На основании имеющихся данных археологии и эпиграфики можно утверждать, что в Херсонесе эллинистического периода культовые действия в честь богов-градодержцев и богов-покровителей отправлялись так же, как и в других районах античного мира. В честь богов совершались сакральные действия как у храмов, членами подавляющего большинства гражданской общины, так и в домашних условиях, сравнительно небольшими коллективами. Причем и те, и другие религиозные акты следует рассматривать в неразрывном единстве, которое было характерной чертой религиозного мировоззрения населения Херсонеса. С III в. до н.э. начинает наблюдаться начало трансформации религиозных представлений херсонеситов, связанной с кризисом полисной идеологии. Однако эта тенденция в Херсонесе наиболее ярко проявилась только в первые века н.э.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Burkert W. Greek Religion: Archaic and Classical. Oxford, 1985.
2. Русяева А.С. О храме Ахилла на острове Левка в Понте Эвксинском // ВДИ. 2004. № 1.
3. Семина К.А. О феномене раннегреческого храма // ВДИ. 1996. № 4.
4. Mazarakis A. Early Greek Temples: Their Origin and Function // Early Greek Cult Practice. Stockholm, 1988.
5. Нильссон М. Греческая народная религия. СПб., 1998.
6. Шайд Дж. Римская религия и духовность // ВДИ. 2003. № 2.
7. Фестюжьер А.-Ж. Личная религия греков. СПб., 2000.
8. Устинова Ю.Б. Частные культовые сообщества у греков (Аттика VI -IV вв. до н.э.) // Быт и история античности. М., 1988.
9. Latyshev V. Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Petropoli, 1916. Vol. 1.
10. Бабинов Ю.А. Религиозные культы и обряды античного Херсонеса (конец V-II вв. до н.э.): Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1967.
11. Бабинов Ю.А. К вопросу о служителях культа в античном Херсонесе // Социально-экономические проблемы истории древнего мира и средних веков. М., 1972.
12. Пальцева Л.А. Культ богини Девы в Херсонесе // Из истории античного общества. Горький, 1979.
13. Пальцева Л.А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999.
14. Латышев В.В. Исследования по истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887.
15. Анохин В.А., Русяева А.С. Государственное устройство Ольвии. История развития государственной власти в VI-I вв. до н.э. // Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 1999.
16. Макаров И.А. Из эпиграфики Северного Причерноморья // ВДИ. 2001. № 1.
17. Пичикян И.Р. Алтарь Пасиада в Херсонесе // СА. 1976. № 3.
18. Сорочан С.Б. О церкви св. Василия и архитектурном комплексе большой агоры раннесредневекового Херсона // Софійські читання. Львів, 2003.
19. Золотарев М.И., Буйских С.Б. Теменос античного Херсонеса. Опыт архитектурной реконструкции // ВДИ. 1994. № 3.
20. Федоров Б.Н. К вопросу о реконструкции Северо-Восточной площади Херсонеса Таврического // КСИА. 1985. Вып. 182.
21. Кадеев В.И. Херсонес Таврический. Быт и культура (I-III вв. н. э.). Харьков, 1996.
22. Буйских А.В., Золотарев М.И. Градостроительный план Херсонеса Таврического // ВДИ. 2001. № 1.
23. Мальберг В.К. Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 гг. // МАР. 1892. Вып. 7.
24. Соломоник Э.И. О культе Афины в Херсонесе в IV-III вв. до н.э. // Античная и средневековая идеология. Свердловск, 1984.

25. Мещеряков В.Ф. Религия и культы Херсонеса Таврического I-IV вв.: Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1980.
26. Золотарев М.И. Эллинистическое домашнее святилище в Херсонесе // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985.
27. Linders T. Gods, gifts, society // Gift to the Gods. Proceeding of the Uppsala Symposium 1985. Uppsala, 1987.
28. Латышев В.В. Жития епископов херсонских // Записки АН. 1906. Серия VIII. Т. VIII. № 3.
29. Латышев В.В. Страдания святых священномучеников и епископов Херсонских Василия, Капитона и иных с ними // ИАК. 1907. Вып. 23.
30. Латышев В.В., Кекелидзе К. Житие святых епископов Херсонских в грузинской минее // ИАК. 1913. Вып. 49.
31. Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000.
32. Сорочан С.Б. Византий IV-IX вв. Этюды рынка. Харьков, 2001.
33. Сорочан С.Б. Где находился храм св. Петра? // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Материалы научной конференции. Севастополь, 2001.
34. Сорочан С.Б. О храме св. Апостолов и епископальном архитектурном комплексе на северо-восточном берегу Херсонеса // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной конференции. Киев; Судак, 2004. Ч. 2.
35. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63.
36. Золотарев М.И., Коробков Д.Ю. О крещении жителей Херсонеса Таврического в IV веке // Nomos. Kwartalnik religioznawczy. 1999/2000. 28/29.
37. Марченко Л.В. Эллинистический комплекс у перекрестка главных магистралей города // ХСб. 1999. Т. 10.
38. Русяева А.С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев, 1979.
39. Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992.
40. Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973.
41. Скржинская М.В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991.
42. Русяева А.С., Русяева М.В. Верховная богиня античной Таврики. Киев, 1999.
43. Николаенко Г.М., Марченко Л.В. Антропогенное воздействие на природу в регионе Юго-Западного Крыма в IV-III вв. до н.э. // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994.
44. Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986.
45. Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, история и культура. М., 1990.
46. Щеглов А.Н. "Старый" Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.
47. Мещеряков В.Ф. О культе богини Девы в Херсонесе Таврическом // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1979.
48. Пичикян И.Р. Малая Азия – Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М., 1984.

49. Щеглов А.Н. Полис и хора. Симферополь, 1976.
50. Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV-III вв. до н.э. Севастополь, 1999. Часть 1.
51. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX вв.). СПб., 2002.
52. Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV-III вв. до н.э. Севастополь, 2001. Часть 2.
53. Николаенко Г.М. Херсонес Таврический и его хора // ВДИ. 1999. № 1.
54. Бабинов Ю.А. Местные элементы в религии Херсонеса Таврического // Социально-экономические проблемы истории древнего мира и средних веков. М., 1972.
55. Polignac de F. La naissance de la cité grecque. Paris, 1984.
56. Malkin I. Religion and Colonization in Ancient Greece. Leiden, 1987.
57. Whitley J. Early states and hero cults: a re-appraisal // JHS. 1988. Vol. 108.
58. Alcock S. E. Tomb cult and the post-classical polis // AJA. 1991. Vol. 95. № 3.
59. Wasowicz A. Lieux de culte extra-urbains dans la monde colonial grec de la mer Noire // Kwartalnik Historii kultury materialnej. 1998. №1-2.
60. Morris I. Burial and Ancient Society: The rise of the Greek city-state. New York, 1987.
61. Доманский Я.В., Фролов Э.Д. Присяга граждан Херсонеса (опыт исторической интерпретации) // Скифы, Хазары, Славяне, Древняя Русь. Материалы научной конференции. СПб., 1998.
62. Бондаренко М.Е. Пантеон Херсонеса Таврического. М., 2003.
63. Андреев В.Н. Размеры земельных участков в Аттике в IV в. до н.э. // ВДИ. 1959. № 2.
64. Андреев В.Н. Аттическое общественное землевладение // ВДИ. 1967. № 2.
65. Глушкина Л.М. Проблема кризиса полиса // Античная Греция. М., 1983. Часть 2.
66. Лопухова О.Б. Некоторые вопросы аренды храмовых земель на Делосе // ВДИ. 1985. № 1.
67. Фюстель де Куланж. Древняя гражданская община. М., 1903.
68. Graham A. J. The Colonial Expansion of Greece // CAH. 1982. III. Pt. 3/2.
69. Шевченко А.В. Земледельческие культы античного Херсонеса // Nomos. Kwartalnik religioznawczy. 1999/2000. 28/29.
70. Нессель В.А. Домашнее святилище первых веков н.э. на Гераклейском полуострове // Восток-Запад: межконфессиональный диалог. Севастополь, 2003.
71. Русяева А.С. Домашні святилища і культу в античних містах Північного Причорномор'я // Археологія. 2001. № 2.
72. Стржелецкий С.Ф. Клery Херсонеса Таврического // ХСБ. 1961. Вып. 6.
73. Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978.
74. Белов Г.Д. Итоги раскопок в Херсонесе за 1949-1953 гг. // СА. 1955. Т. 24.
75. Белов Г.Д. Итоги раскопок в Херсонесе за 1949-1953 гг. // СА. 1955. Т. 24.
76. Кутайсов В.А. Керкинитида в античную эпоху. Киев, 2004.
77. Самойлова Т.Л., Смолянинова С.П., Богуславский Г.С., Остапенко П.В., Ветчинникова Н.И. Археологические исследования античной Тиры и средневекового Белгорода в 2003 г. // Археологічні відкриття в Україні за 2002-2003 рр. Київ, 2004.

78. Русяева А.С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI-I вв. до н.э.). Киев, 1982.
79. Javis C.G. Greek altars. Saint Louis, 1949.
80. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 г. // ХСб. 1959. Вып. 5.
81. Бабинов Ю.А. Эллинистические домашние алтари // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974.
82. Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976.
83. Белов Г.Д. Эллинистический дом в Херсонесе // Труды ГЭ. 1962. Т. 7. Вып. 3.
84. Белов Г.Д. Терракоты из Херсонеса // САИ. 1970. Вып. Г1-1.
85. Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л. Квартал XVIII // МИА. 1953. № 34.
86. Зайцева К.И. Культовые чаши V-I вв. до н.э. из Северного Причерноморья // Труды ГЭ. 1997. Т. 28.
87. Кутайсов В.А., Уженцев В.Б. Восточные ворота Калос-Лимена // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994.
88. Hannestad L., Stolba V.F., Sčeglov A.N. Panskoye I. Vol. I. The Monumental Building U6. Text; Vol. 2. Plates. Aarhus University Press, 2002.
89. Щеглов А.Н. Рец.: Сообщения Херсонесского музея. Вып. 4. Башня Зенона. Симферополь, 1969 // ВДИ. 1974. № 3.
90. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935-1936 гг. Симферополь, 1938.
91. Кутайсов В.А. Античный город Керкинитида. Киев, 1990.
92. Печенкин Н.М. Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса // ИАК. 1911. Вып. 42.
93. Шевченко А.В. Терракоты античного Херсонеса // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
94. Сорокина Н.П. Архитектурная терракота Херсонеса // СХМ. 1961. Вып. 2.
95. Кобылина М.М. Глиняный торс Геракла из Херсонеса // Культура античного мира. М., 1966.
96. Костромичева Т.И., Шевченко А.В. Домашнее святилище на Страбовом Херсонесе // ХСб. 1996. Вып. 7.
97. Carter J.K. The Chora of Chersonesos. Site 151 – the Finds 1994-1996 // ХСб. 1998. Вып. 9.
98. Carter C., Crawford M., Lehman P., Nikolaenko G., Trelogan J. The Chora of Chersonesos in Crimea, Ukraine // AJA. 2000. Vol. 104. № 4.
99. Гилевич А.М. О культе Сабазия в Херсонесе // Древний Восток и античная цивилизация. Л., 1988.
100. Столба В.Ф. Новое посвящение из Северо-Западного Крыма и аспекты культа Геракла в Херсонесском государстве // ВДИ. 1989. № 4.
101. Щеглов А.Н. К изучению культа Сабазия в Херсонесе: состояние изученности, источники, интерпретация, реконструкция // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Материалы научной конференции. Севастополь, 2001.
102. Свенцицкая И.С. Роль частных сообществ в общественной жизни полисов эллинистического и римского времени (по материалам Малой Азии) // ВДИ. 1985. № 4.
103. Свенцицкая И.С. Особенности религиозной жизни народных масс в азиатских провинциях Римской империи (II-III вв.): язычество и христианство // ВДИ. 1992. № 2.

104. Фролов Э.Д. Религиозные союзы // Альтернативные социальные сообщества в античном мире. СПб., 2002.
105. Завойкина Н.В. Частные сообщества Пантикапея в первые века н.э. // Боспорские древности. 2003. Вып. 6.
106. Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV-VI вв.). Белгород, 1996.
107. Илющечкин В.Н. Отражение социальной психологии низов в античных романах // Культура древнего Рима. М., 1985. Т. 2.
108. Колосовская Ю.К. Римский провинциальный город, его идеология и культура // Культура древнего Рима. М., 1985. Т. 2.
109. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949.
110. Ручинська О.А. Суспільне життя в античних містах Північного та Західного Причорномор'я: Автореф. ... канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 1996.
111. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. М., 1972.
112. Голубцова Е.С. Мировоззрение горожанина и крестьянина Малой Азии в I-III вв. // Культура древнего Рима. М., 1985. Т. 2.
113. Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997.
114. Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
115. Блаватская Т.В. Западнопонтийские города в VII-I вв. до н. э. М., 1952.
116. Туровский Е.Я. Монеты независимого Херсонеса IV-II вв. до н. э. Севастополь, 1997.

ZUBAR V. M.

THE PLACES OF SERVING RELIGIOUS CULTS IN CHERSONESOS TAURICA
AND ITS NEIGHBOURHOOD IN HELLENISTIC PERIOD

Summary

The article examines the places of serving religious cults on the bases of archaeological and epigraphic data. In Chersonesos those cults were served publicly at the temples, or home sanctuary. On the basis of disposable sources we can assert that in Chersonesos of Hellenistic period cult activities in the honour of gods-protectors were performed in the same way as in other regions of ancient world. Sacred cults in the honour of gods were exercised near the temples by the majority of members of community, and at home by small groups. It is known that both religious acts should be regarded as inseparably linked, which was a characteristic feature of religious ideology of the population of Chersonesos. From the 3rd century B.C. we can observe the beginning of transformation of religious representations of Chersonesos population connected with the crisis of polis ideology. However, this tendency in Chersonesos became apparent only in the first centuries A.D.

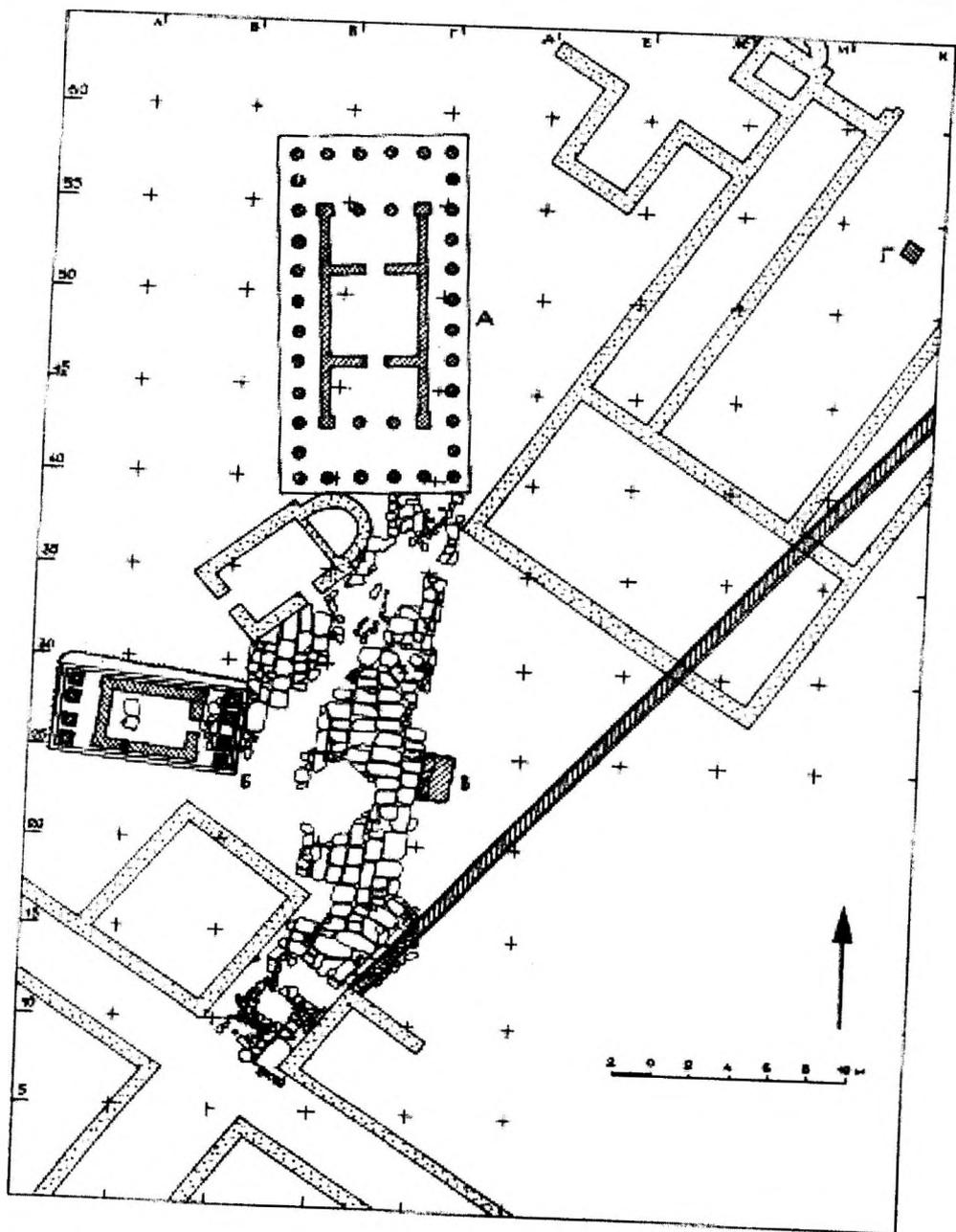

Рис. 1. План теменоса в северо-восточной части Херсонеса по А.В.Буйских и М.И.Золотареву.

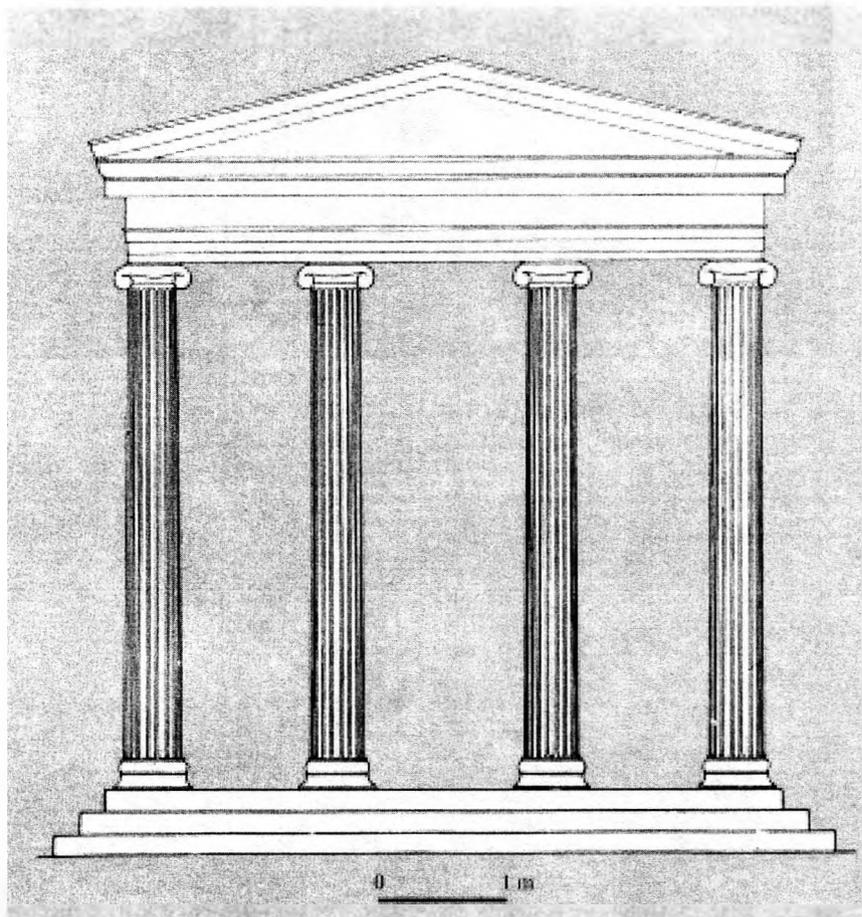

Рис. 2. Херсонесский храм в ионическом ордере по М.И.Золотареву и А.В.Буйских.

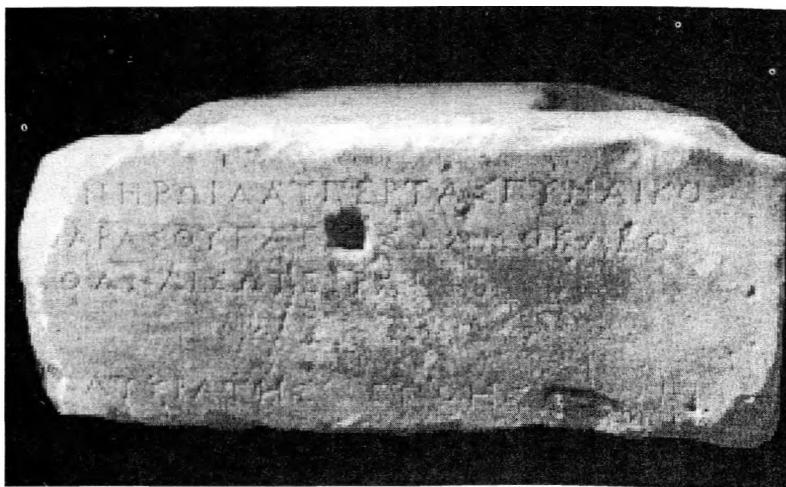

Рис. 3. Постамент статуи конца IV в. до н.э. с посвящением Афине Сотейре из Херсонеса.

Рис. 4. Северо-Восточный район Херсонесского городища. Аэрофотосъемка Дж.Трелоган.

Рис. 5. Главная улица Херсонеса и прилегающие к ней жилые кварталы.
Фото М.И.Золотарева.

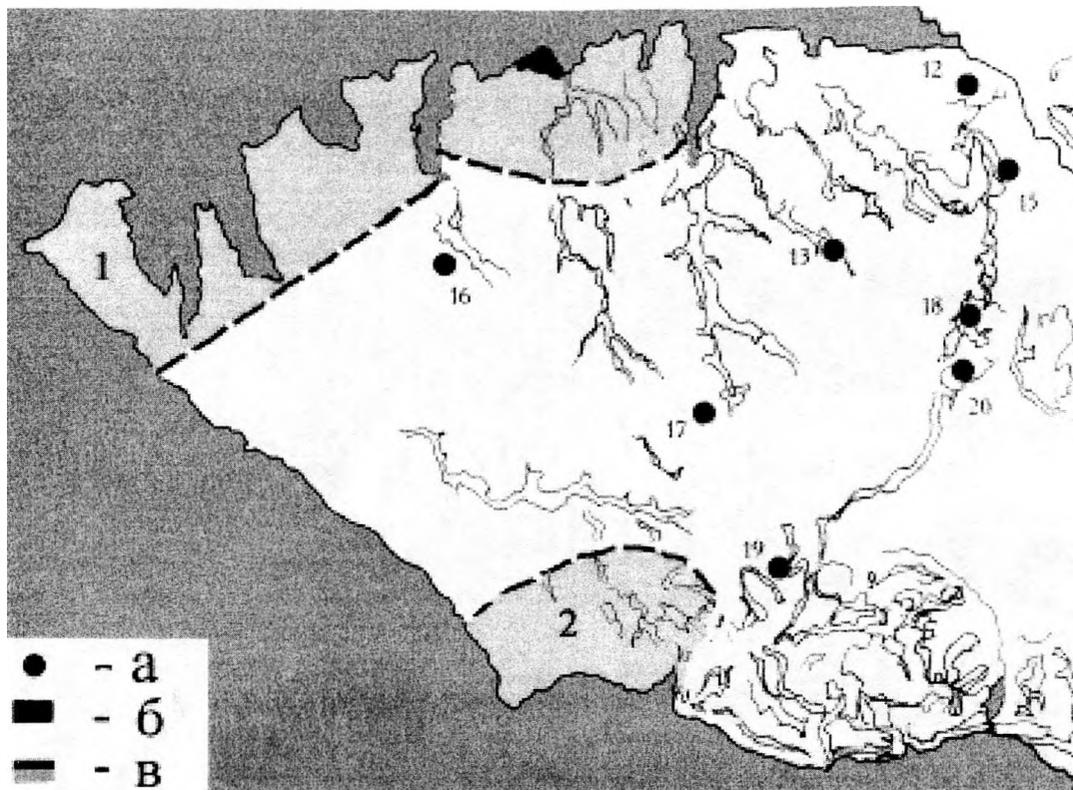

Рис. 6. Следы ранней размежевки на Гераклейском полуострове по Г.М.Николаенко.
а – поселения кизил-кобинской культуры начала V – первой половины IV вв. до н.э.: 12 – Воловье; 13 – Лабораторное; 15 – Октябрьское; 16 – Стрелецкая балка; 17 – Сарандинакино-2; 18 – Кавказ; 19 – Безымянное; 20 – Энергетик.
б – территория Херсонесского городища;
в – границы размежеванной территории. 1 – укрепление на Маячном полуострове; 2 – укрепление в районе балки Бермана. Составитель Е.А.Кравченко.

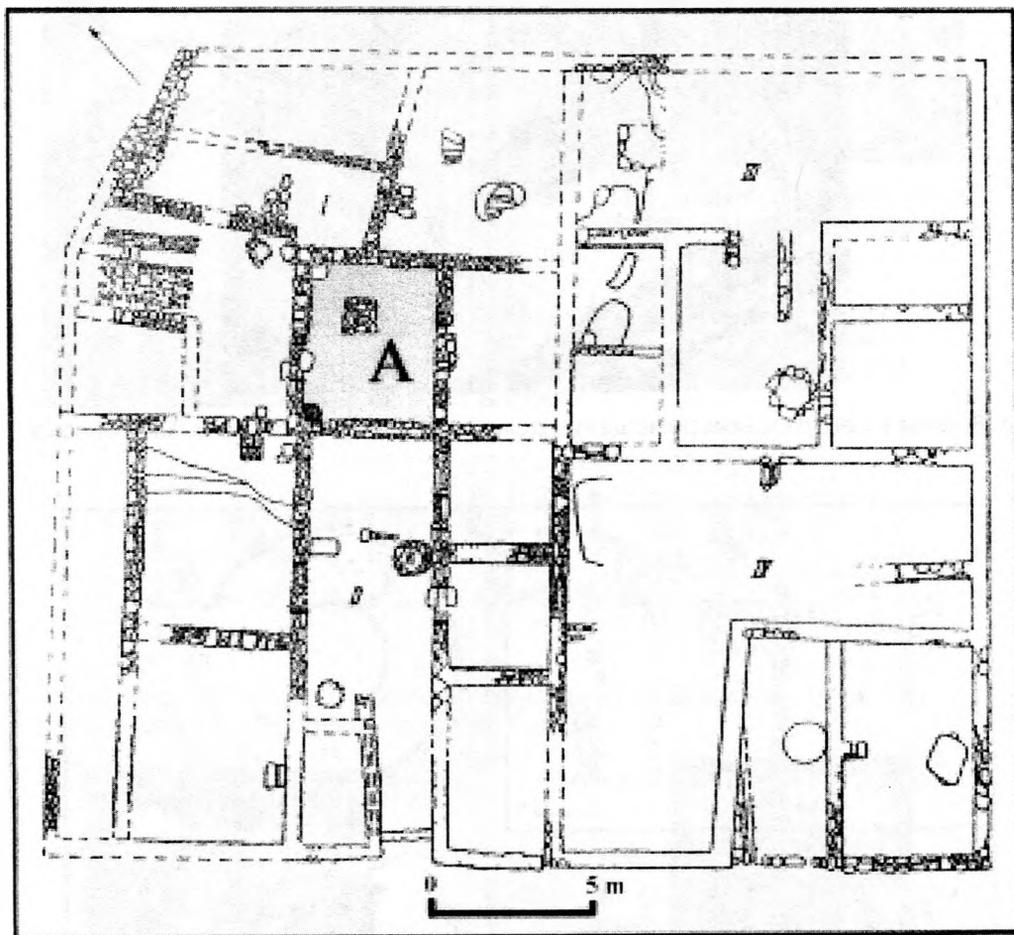

Рис. 7. План XIX квартала эллинистического периода по Г.Д.Белову. А – помещение с предполагаемым алтарем.

Рис. 8. Очаг в центральном помещении дома в Керкинитиде. Фото В.А.Кутайсова.

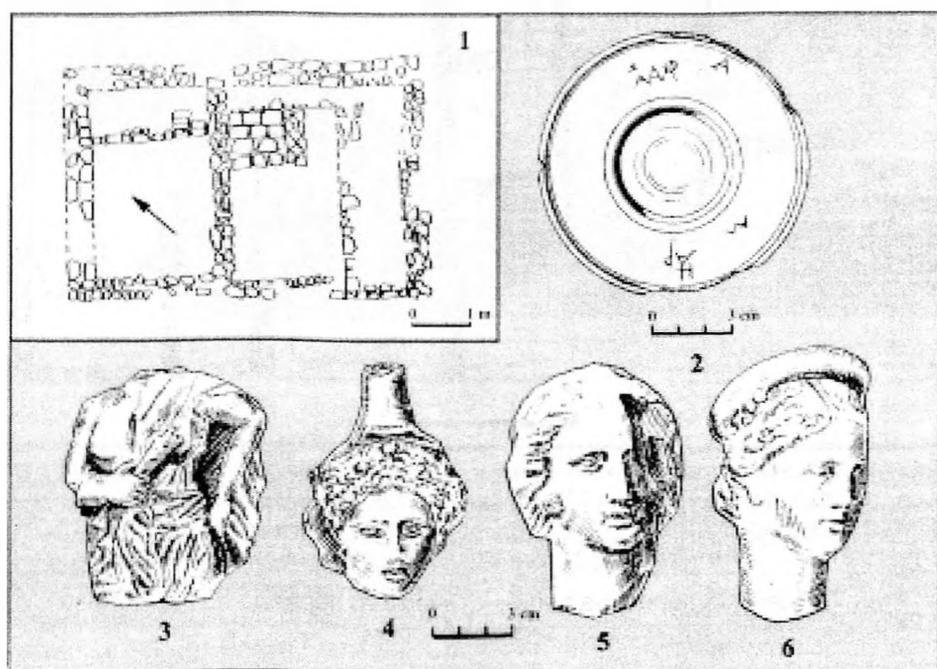

Рис. 9. План домашнего святилища в Северо-Восточном районе Херсонеса (1) и находки из него (2-6) по М.И.Золотареву.

Рис. 11. Терракотовые алтарики с изображением мифологических сцен III в. до н.э. из Херсонеса.

Рис. 10. Алтарь с профилированным карнизом и базой из Херсонеса. Эллинистический период. Раскопки Г.Д.Белова.

Рис. 12. Чашки-алтарики цилиндрической формы на высокой ножке из Херсонеса по К.И.Зайцевой.

Рис. 13. Известняковый алтарь цилиндрической формы с профилированным карнизом и базой из Херсонеса.

Рис. 14. Миниатюрный терракотовый алтарик.

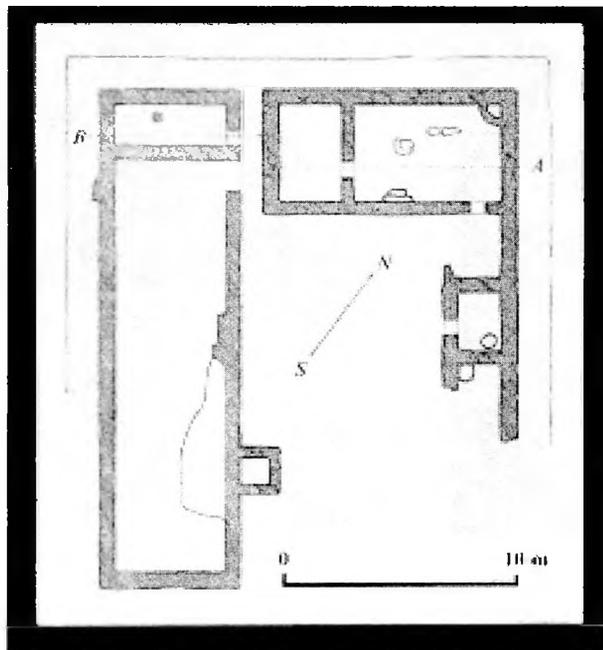

Рис. 15. План усадьбы с домашним святилищем на Маячном полуострове по Н.И.Печенкину.

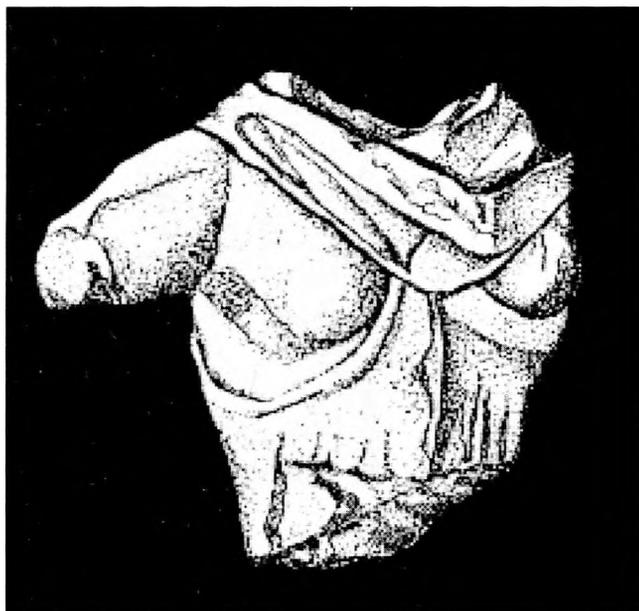

Рис. 16. Терракотовый торс статуи богини Партенос по Н.И.Печенкину.

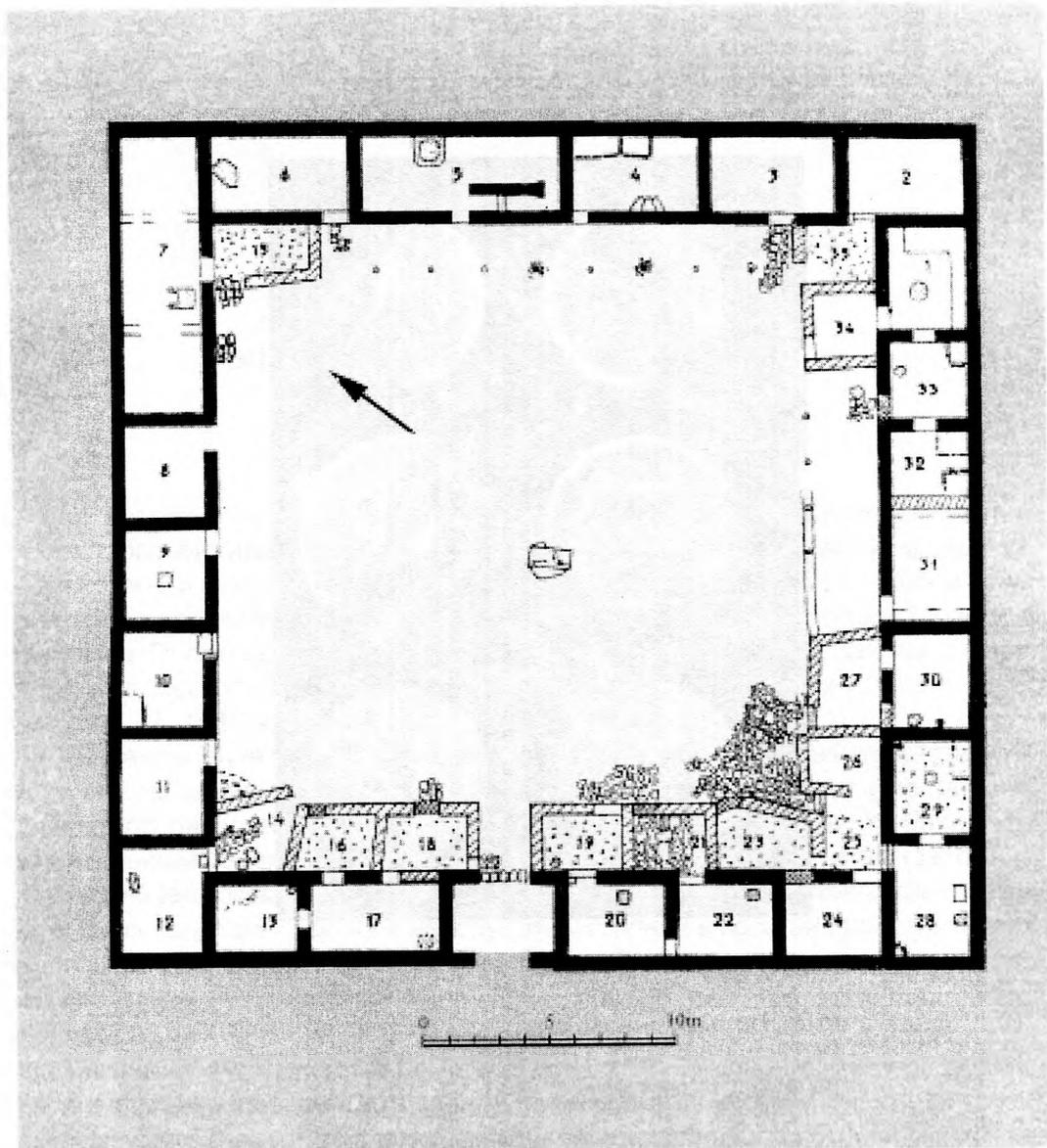

Рис. 17. Комплекс У6 на поселении Панское I по Л.Ханнестад, В.Ф.Столбе и А.Н.Щеглову. 12 – помещение, где предположительно размещалось святилище.

Рис. 18. Херсонесские монеты с изображением бодающего быка и Партенос, убивающей лань, начало III в. до н.э.